THE PERVOMAYSKY-1 SITE RESEARCH (THE STONE AGE, EARLY NOMADS, MODERN AGE) IN THE SOUTH CIS-URALS

N. Savelev, S. Nikolaev, M. Rumiantsev

Abstract. The paper presents the results of a study of the Pervomaisky-1 site, discovered in 2019, located in the Abzelilovsky district of Bashkortostan, on the shore of a small plowed former lake at the top of the steppe watershed rise. Judging by the materials obtained, the site was a place of short-term development at the end of the Stone Age (the Neolithic-Eneolithic), in the Early Iron Age (V-IV centuries BC) and in the Modern Age (mid-second half of the 19th century). An analysis of all archaeological materials found at the site is presented, the originality and regularity of the topographic confinement of this type of site are shown. The cultural and chronological characteristics of the materials are substantiated against a broad comparative background and the nature of the site's use is reconstructed.

Key words: Southern Trans-Urals, steppe zone, karst lake, Neolithic-Eneolithic, Scythian-Sarmatian time, Modern Age

Citation. Savelev N., Nikolaev S., Rumiantsev M., 2020. The Pervomaysky-1 site research (the Stone Age, Early nomads, Modern Age) in the South Cis-Urals. The Ufa Archaeological Herald, is. 20, pp. 141-154. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.011

УДК 902; 904 Дата поступления статьи: 16.05.2020

ББК 63.4 Дата принятия статьи: 10.10.2020

ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ ПЕРВОМАЙСКИЙ-1 (ЭПОХА КАМНЯ, РАННИЕ КОЧЕВНИКИ, НОВОЕ ВРЕМЯ) В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Никита Сергеевич Савельев
канд. ист. наук / ведущий научный сотрудник
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
Уфа, Российская Федерация / E-mail: sns_1971@mail.ru

Сергей Юрьевич Николаев
младший научный сотрудник
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
Уфа, Российская Федерация / E-mail: nikolaev.sergey123@yandex.ru

Михаил Михайлович Румянцев
младший научный сотрудник
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
Уфа, Российская Федерация / E-mail: rumiantsevmike@rambler.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования выявленной в 2019 г. стоянки Первомайский-1, расположенной в Абзелиловском районе Башкортостана, на берегу небольшого распаханного озера на вершине степного водораздельного сырта. Судя по полученным материалам, стоянка являлась местом кратковременного освоения в финале эпохи камня (неолит-энеолит), в эпоху раннего железа (V-IV вв. до н.э.) и в Новое время (середина – вторая половина XIX в.). Представлен анализ всех археологических материалов, найденных на памятнике, показаны своеобразие и закономерность топографической приуроченности стоянки данного типа. На широком сравнительном фоне обосновывается культурно-хронологическая характеристика материалов и реконструируется характер использования площадки.

Ключевые слова: Южное Зауралье, степная зона, карстовое озеро, неолит-энеолит, скифо-сарматское время, Новое время

Цитирование. Савельев Н.С., Николаев С.Ю., Румянцев М.М., 2020. Исследования стоянки Первомайский-1 (эпоха камня, ранние кочевники, Новое время) в Южном Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 20. С. 141–154. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2020.20.011

В 2019 году при проведении разведочного обследования в Абзелиловском районе Башкортостана, практически на линии границы с Челябинской областью, был выявлен новый археологический памятник, получивший наименование «Стоянка Первомайский-1». Он находится на пологом мысу северного берега небольшого, в настоящее время полностью распаханного карстового озера на вершине степного водораздельного сырта, расположенного на левобережье р. Янгелька (правый приток р. Урал) при впадении в нее р. Таштуй, в 15-20 км к востоку от хребтов Курятмас и Таштыг-

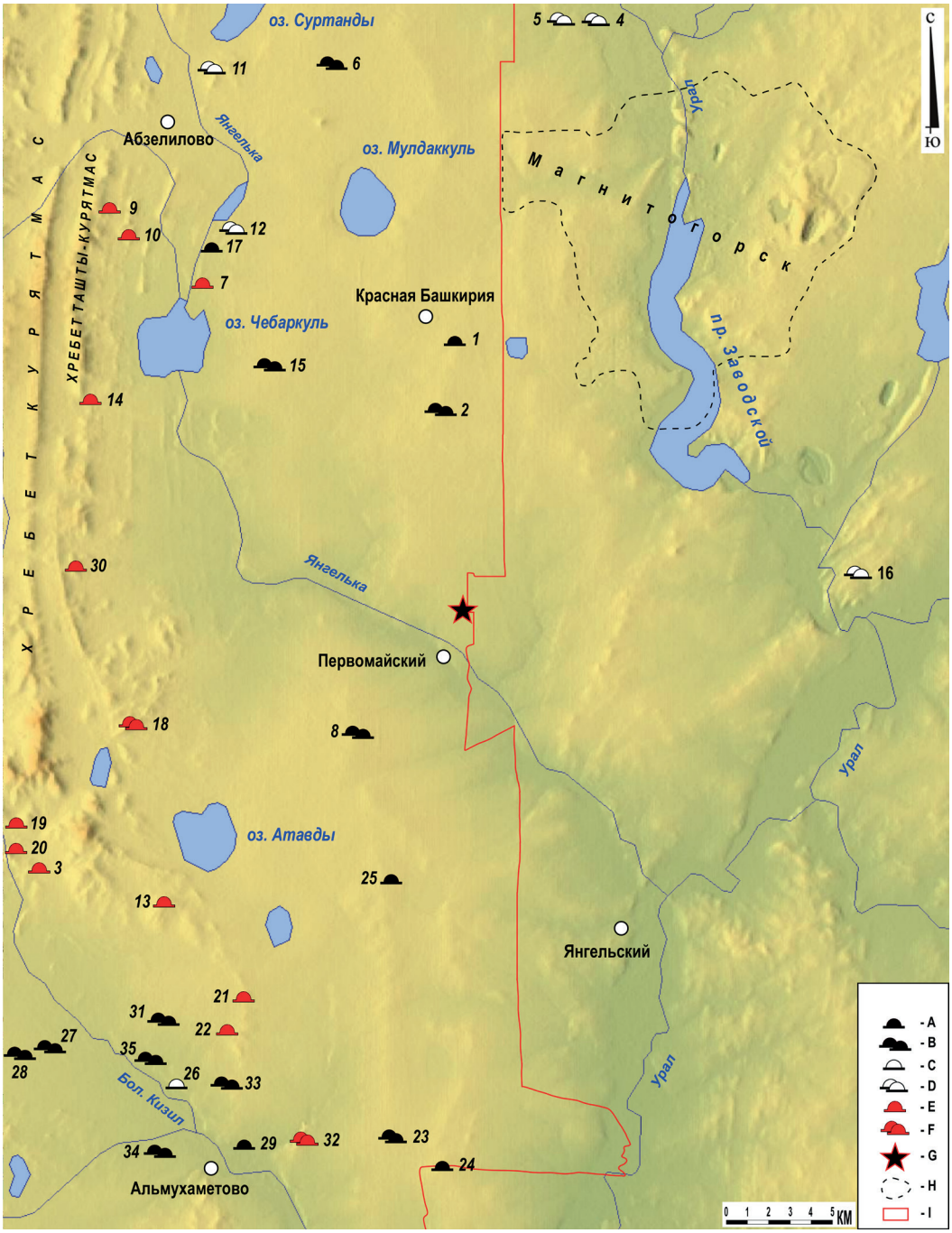

Рис. 1. Расположение стоянки Первомайский-1 и погребальные памятники ранних кочевников восточных предгорий Урала (участок Альмухаметово – Суртанды): *1* – Красная Башкирия-1; *2* – Красная Башкирия-2; *3* – Тепяново-4; *4* – Мало-Кизильский I; 5 – Мало-Кизильский II; *6* – Мулдак-Тау-1; *7* – Чебаркуль-7; *8* – Янгельский-1; *9* – Тупаково-1; *10* – Тупаково-2; *11* – Елимбетово-1; *12* – Михайловка-2; *13* – Башкатсагыл-1; *14* – Кушеево-1; *15* – Давлетово-1; *16* – Агаповские горы IV; *17* – Михайловка-3; *18* – Давлетшино-1; *19* – Мунтаевский курган; *20* – Ишкулово-5; *21* – Суиссагыл-1; *22* – Суиссагыл-2; *23* – Лебяжье Озеро-1; *24* – Лебяжье Озеро-2; *25* – Северный-1; *26* – Булатово-3; *27* – Ишбулдино-3; *28* – Халилово-4; *29* – Целинный-3; *30* – Юлдашево-2; *31* – Авласовские курганы; *32* – Целинный-1; *33* – Альмухаметово-1; *34* – Булатово-1; *35* – Булатово-2

Условные обозначения: A-D – земляные курганы; *E-F* – каменные курганы; *A, C, E* – одиночные курганы; *B, D, F* – курганные могильники; *A-B* –курганы крупных размеров (одиночные и входящие в состав курганных могильников); *G* – место расположения стоянки Первомайский-1; *H* – территория города Магнитогорск; *I* – административная граница между Республикой Башкортостан и Челябинской областью

Fig. 1. Location of the Pervomaisky-1 site and the funerary monuments of the early nomads of the Eastern foothills of the Urals (Almuhametovo – Surtandy site): *1* – Krasnaya Bashkiriya-1; *2* – Krasnaya Bashkiriya-2; *3* – Tepyanovo-4; *4* – Malo-Kizilsky I; *5* – Malo-Kizilsky II; *6* – Muldak-Tau-1; *7* – Chebarkul-7; *8* – Yangelskiy-1; *9* – Tupakovo-1; *10* – Tupakovo-2; *11* – Elimbetovo-1; *12* – Mikhailovka-2; *13* – Bashkatsagyl-1; *14* – Kucheevo-1; *15* – Davletovo-1; *16* – Agapovskie mountains IV; *17* – Mikhailovka-3; *18* – Davletshino-1; *19* – Muntaevsky barrow; *20* – Ishkulovo-5; *21* – Suissagyl-1; *22* – Suissagyl-2; *23* – Lebyazhye Lake-1; *24* –Lebyazhye Lake-2; *25* – Severny-1; *26* – Bulatovo-3; *27* – Ishbuldino-3; *28* – Khalilovo-4; *29* – Tselinny-3; *30* – Yuldashevo-2; *31* – Avlasovsky mounds; *32* – Tselinny-1; *33* – Almukhametovo-1; *34* – Bulatovo-1; *35* – Bulatovo-2

Symbols: *A-D* – earthen mounds; *E-F* – stone mounds; *A, C, E* – single mounds; *B, D, F* – burial mounds; *A-B* – large mounds (single and part of burial mounds); *G* – location of the Pervomaysky-1 site; *H* – territory of the city of Magnitogorsk; *I* – administrative border between the Republic of Bashkortostan and the Chelyabinsk region

Курятмас – крайних восточных хребтов Уральской горной страны. В 2,8 км к югу от стоянки находится с. Первомайский, в 10 км к северо-востоку – край современной застройки города Магнитогорск, в 2,5 км к юго-востоку – железнодорожная станции Пещерная (Челябинская область). Диаметр котловины озера 100 м, глубина 1,5 м, высота плато над долиной р. Янгелька, протекающей через Первомайский – около 45 м. От края вершины сырта, т.е. в непосредственной близости от стоянки (от 600 м до 2 км) находятся истоки нескольких распаханных и сухих русел сезонных водотоков – левых притоков р. Янгелька.

Практически вся пологая вершинная часть сырта распахана, также ранее подверглось распашке и само озеро, котловина которого в настоящее время используется в качестве сенокоса (рис. 2). Берега озера очень пологие и не выраженные, только с северной стороны расположено небольшое мысовидное всхолмление высотой до 1,5 м от уровня изначальной береговой линии (384,5 мБС). На этом мысу, на расстоянии от 30-40 и более метров от бывшего уреза воды, на распаханной поверхности найдено большое количество разновременных находок. Заложенные 5 шурфов (все – размером по 1×1 м) позволили установить максимальные размеры памятника – около 120×100 м, однако, пятно подъемного материала с наибольшим количеством находок имеет размеры не более 70×50 м. Заложенный в центре этого скопления один из разведочных шурфов показал, что культурный слой приурочен исключительно к распаханной части отложений (верхние 30 см).

Всего в коллекцию входит 76 находок, из них: изделий из камня – 4, фрагментов лепных сосудов – 4, фрагментов гончарных сосудов – 37, фрагментов сосудов из фарфора и фаянса – 14, различных изделий из железа – 14. Судя по ним, мыс на северном берегу небольшого карстового озера, расположенного на вершине сырта, использовался в самом финале эпохи камня, в эпоху раннего железа и в Новое время. Ниже приводится описание находок по отдельным этапам, обосновывается культурно-хронологическая характеристика материалов и реконструируется характер использования данной площадки.

***Этап 1.* Неолит-энеолит**

Представлен единичными кремневыми изделиями (3 нуклеуса и 1 скол), найденными на всей поверхности площадки.

Одноплощадочный плоский нуклеус № 1 (рис. 3, *1*). На небольшой угловатой гальке серого кремня несколькими разнонаправленными сколами сформирована ударная площадка, от которой снято два широких параллельных продольных скола. Негативы сколов проходят от ударной площадки до нижней части, т.е. на всю длину нуклеуса. Ширина негативов от 1,2 до 1,7 см. С тыльной стороны поверхность покрыта желвачной коркой светло-коричневого цвета. Размер 6,1×3,1×2,2 см.

Одноплощадочный плоский нуклеус № 2 (рис. 3, *2*). На вытянутой плоской плитке серого кремня с одной стороны параллельно-встречным скалыванием сформирована ударная площадка. С противоположной стороны, вблизи основания левой грани нуклеуса перпендикулярной ретушью сформирован гребень. На рабочей плоскости присутствуют негативы трех узких пластинчатых сколов, идущих от ударной площадки до основания, шириной от 1 до 1,2 см. В верхней части нуклеуса, около ударной площадки, они перекрыты сколом от правой боковой грани. С противоположной стороны перпендикулярными сколами сформирован боковой гребень под первичный скол. Эти негативы от ударной площадки до средней части нуклеуса перекрыты пластинчатым сколом шириной 1,5 см. Боковые стороны нуклеуса покрыты жел-

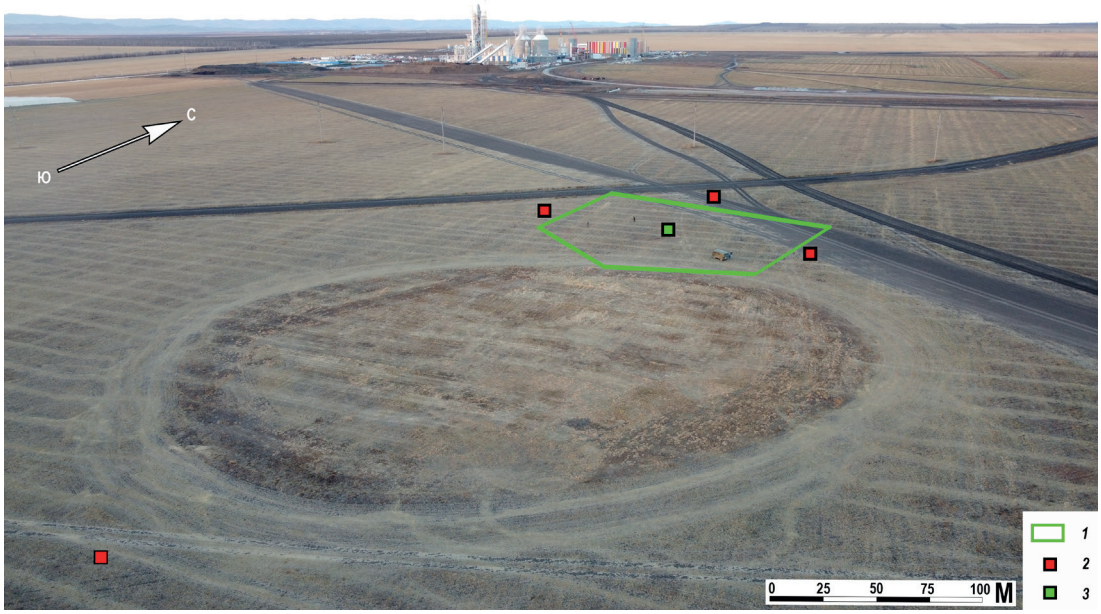

Рис. 2. Стоянка Первомайский-1. Вид с юго-востока. Октябрь 2020 г. *1* – граница памятника; *2* – шурфы без археологического материала; *3* – шурф с археологическим материалом

Fig. 2. Pervomaisky-1 site. View from the south-east. October 2020. *1* – border of the site; *2* – pits without archaeological material; *3* – pit with archaeological material

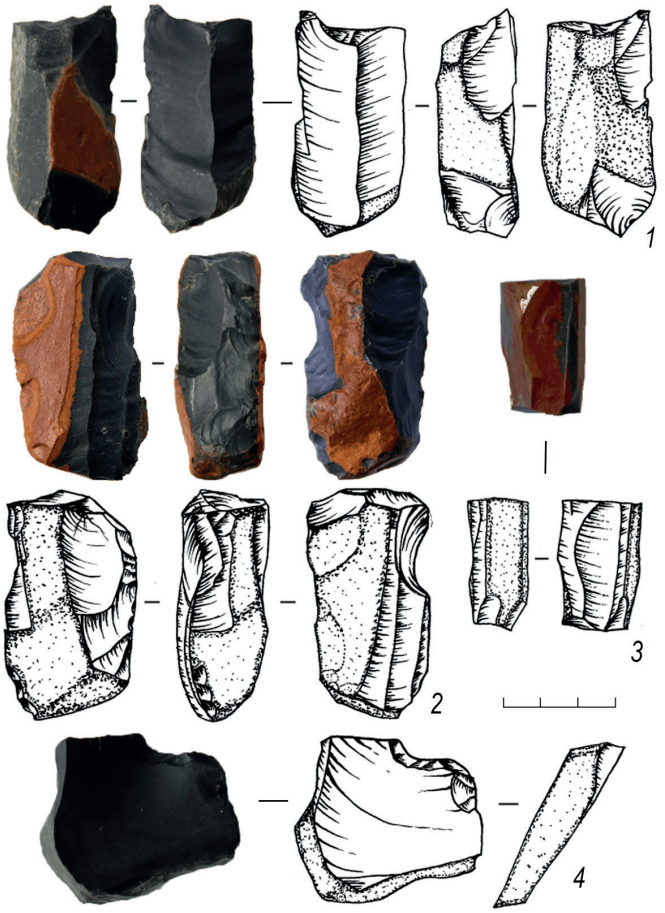

Рис. 3. Стоянка Первомайский-1. Кремневые изделия эпохи камня. *1-3* – одноплощадочные нуклеусы; *4* – скол

Fig. 3. Pervomaisky-1 site. Flint products of the Stone Age. *1-3* – single-site nuclei; *4* – flake

вачной коркой светло-коричневого цвета. Размеры 5,9×3,4×2,2 см.

Одноплощадочный нуклеус (рис. 3, *3*). На плоской плитке серого кремня двумя перпендикулярными сколами образована ударная площадка и основание нуклеуса. По всей поверхности от ударной площадки сняты параллельные широкие пластины с желвачной коркой. В основании нуклеуса присутствуют отдельные короткие пластинчатые встречные сколы. Нуклеус в начальной стадии расщепления, в котором пластинчатыми сколами снята только желвачная корка. Размеры 3,5×2,3×1,5 см.

Скол вторичный из черного кремня (рис. 3, *4*). Дорсальная поверхность создана одним сколом. Со стороны ударной площадки по краю от брюшка фиксируется крутая параллельная ретушь. Грани скола покрыты естественной коркой. Размеры 4,7×5,1×1 см.

Все найденные нуклеусы являются одноплощадочными, монофронтальными изделиями для получения пластинчатых заготовок. Основной заготовкой с нуклеуса являлся пластинчатый скол длиной около 5 см и шириной от 1 см. Негативы пластин занимают всю длину рабочей плоскости. Для нуклеусов характерно формирование ударной площадки одним или несколькими сколами и продольного гребня, образовывающего выпуклый фронт скалывания. Угол наклона ударной площадки к плоскости скалывания приближен к 90°. Желвачная корка удалялась по мере расщепления самого нуклеуса, т.е. без предварительной подготовки.

После снятия 3-4-х сколов с нуклеусов они не переоформлялись. Это может свидетельствовать об отсутствии такой необходимости в связи с изобилием сырья в этих местах, либо, что наиболее вероятно, о ситуативном характере обработки кремня.

По своим основным характеристикам эти изделия могут быть отнесены к неолиту-энеолиту, т.е. к самому финалу эпохи камня. Тип памятника может быть реконструирован как кратковременная стоянка, при этом все находки первоначально были приурочены к гумусному слою. Контрольная прокопка материка в четырех шурфах (рис. 2) четко показала, что какие-либо находки в подстилающем суглинке отсутствуют.

Обращение к материалам нео-энеолита степной зоны Южного Зауралья показывает, что на 2006 г. всего учтен 31 памятник [Мосин, Куприянов, 2006. С. 41; Мосин и др., 2006. С. 62]. Из них 75% приурочены к берегам предгорных озер Башкирского Зауралья (Суртанды, Сабакты, Банное, Карабалыкты и пр.) и только четверть – к берегам степных рек этого огромного региона. Последнее говорит о крайне недостаточной обследованности открытых степных территорий в отношении памятников эпохи камня [Савельев, 2018б]. Об их высоком потенциале свидетельствуют, к примеру, скопление стоянок эпохи неолита на одном локальном участке берега р. Синташта (Синташта XIX-XXI) [Мосин, Куприянов, 2006. С. 42] или 10 «местонахождений», занимающих участок протяженностью на р. Большой Кизил около с. Альмухаметово [КПАБ, 1982. С. 71. № 311-320]. Эти Альмухаметовские памятники расположены всего в 25 км к югу-юго-западу от стоянки Первомайский-1, также в степной зоне.

Важнейшей особенностью рассматриваемой стоянки является ее приуроченность к небольшому озеру на вершине водораздельного сырта. Среди опубликованных данных по эпохе камня как минимум всей территории Южного Урала, памятники с подобной топографией отсутствуют. В настоящее время готовятся к публикации материалы стоянки Большой Сунтур-2 с очень близкими топографическими характеристиками. Она расположена в 75 км к югу от стоянки Первомайский-1 и выявлена в 2004 г. Ирендыкской комплексной археолого-этнографической экспедицией, проводившей в 2003-2004 гг. под руководством одного из авторов данной статьи детальное обследование южной части Баймакского района Башкортостана [Котов, 2005]. Стоянка находится на мысовидном всхолмлении берега небольшого озера (сохранившаяся площадь зеркала 45×80 м), приуроченного к вершине протяженного сырта Большой Сунтур, также вытянутого меридионально между правобережьем р. Урал и горным массивом Ирендык-Крыкты. Здесь на распаханной поверхности на площади 180×30 м, т.е.

по дуге вокруг озера, найдено 14 изделий из камня (нуклеусы, пренуклеусы, отщепы, ножевидные пластины, скребок), относящихся к нео-энеолитическому времени. Второй такой памятник – местонахождение Моховое Болото-3, найденное в 7,5 км к югу, на том же сырте, приурочено к древнему практически пересохшему сейчас озеру диаметром около 600 м. Здесь при осмотре территории курганного могильника было найдено 2 изделия из сургучной яшмы – торцевой одноплощадочный нуклеус и медиальная часть крупной пластины. Целенаправленно берега этого верхового озера не обследовались.

Подобные небольшие озера, имеющие диаметр зеркала 50-100 и более метров, приурочены именно к вершинам степных сыртов, протянувшихся вдоль восточного края гор Южного Урала, и встречаются на них практически повсеместно. Так, вокруг стоянки Первомайский-1 такие озера, многие из которых уже уничтожены распашкой, расположены в среднем на расстоянии 2-3 км друг от друга. Часть из них является истоком малых или сезонных водотоков. В этом отношении важно нахождение стоянки Пещерный Лог, расположенной в 4,5 км к востоку от стоянки Первомайский-1. Приурочена она к берегу небольшого, но очень длинного, сухого лога с многочисленными выходами известняка. Основной комплекс находок относится к верхнему палеолиту, но часть предметов датируется значительно более поздним временем (в пределах эпохи камня) [Куприянов, 2016. С. 24].

Все приведенные данные позволяют предварительно говорить об очень плотном освоении открытых степных пространств Южного Зауралья на заключительном этапе эпохи камня.

Этап 2. Скифо-сарматское время

Среди керамики, обнаруженной на стоянке Первомайский-1, 4 фрагмента лепных сосудов относятся к эпохе раннего железа. Все они не орнаментированы. Три из них имеют характерную «мыльную» фактуру теста с большой примесью мелкотолченого талька, тесто плотное, серого и светло-коричневого цветов. Указанные признаки позволяют отнести фрагменты этих трех сосудов к раннесарматскому комплексу (V-IV вв. до н.э.) [Мошкова, 1963. С. 24; Она же, 1974. С. 22; Пшеничнюк, 1983. С. 115].

Одна из этих трех находок – фрагмент днища плоскодонного сосуда с выделенной закраиной. Толщина дна 6 мм, толщина стенок у основания 10 мм, тулово раздутое, фиксируются следы нагара (Рис. 4, *1*). Подобная форма дна встречается среди керамики раннесарматского времени, однако, достаточно редко, единичными экземплярами и, судя по данным, собранным С.Ю. Гуцаловым, не является характерной для Степного Приуралья (т.е. территорий южнее широтного течения р. Урал) [Гуцалов, 2004. Табл. 19-23]. Большинство таких сосудов происходит из восточных предгорий Южного Урала (полоса от верховьев р. Уй до устья р. Орь). Ближайшими находками к стоянке Первомайский-1 являются сосуды из погребения 6 одиночного кургана Тулубай [Исмагил, Сунгатов, 2009. Рис. 3, *B1*], Березовского кургана [Хабдулина, Малютина, 1982. Рис. 1, *13*], а также могильной ямы 5 могильника Айгыр I [Плешанов, Иванов, 2016. Рис. 3, *1*]. Датировка комплексов с плоскодонными сосудами с небольшой выделенной закраиной, примесью талька в тесте и богатой резной орнаментацией, по имеющимся данным, не выходит за рамки IV в. до н.э. Вероятно, эта типологическая особенность должна рассматриваться как остаточный признак плоскодонной керамики предшествующего, «савроматского», времени, на которой выделенная закраина и утончение дна были широко распространены.

Четвертый фрагмент отличается от описанных отсутствием примеси талька и наличием в формовочной массе кварцевого песка, органики и шамота. Это также характерно для части раннесарматской керамики, но значительно чаще встречается в немного более раннее время [Савельев, 2006; 2015б].

В середине I тыс. до н.э. в предгорной части Южного Зауралья четко прослеживается факт сосуществования в непосредственной близости друг от друга двух групп кочевого населения [Савельев, 2019]. Первая из них – т.н. «мугоджарская», по происхождению связанная с тасмолинской культурой и представленная каменными курганами, располагающимися на вершинах гор, отдельных холмов и сопок, на границе со степью, внутри и над межгорными долинами. Кроме каменной насыпи и кольцевого валика вокруг могильной ямы, погребальный обряд характеризуется использованием в засыпке светлой речной гальки, деревянным перекрытием над полой могилы, находками на древнем горизонте, широкими овальными могильными ямами с широтной ориентацией, наклонными стенками и кольцевыми подбоями в придонной части, в основном широтной (часто – восточной) ориентировкой головы умершего. Датируются эти курганы VI-IV вв. до н.э.

Вторая группа представлена большими и малыми земляными курганами, как одиночными, так целыми могильниками. Все они расположены в

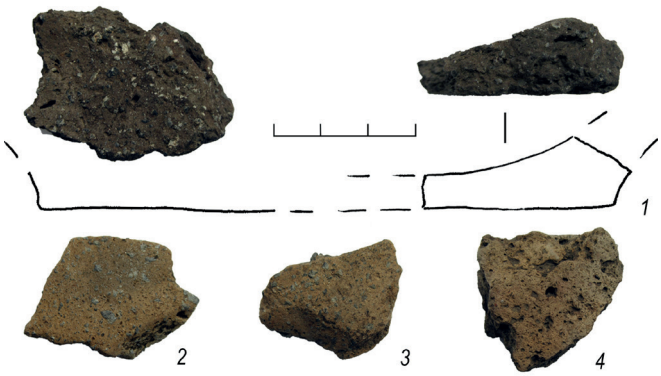

Рис. 4. Стоянка Первомайский-1. Лепная керамика эпохи раннего железа.
1 – фрагмент плоского дна; *2-4* – фрагменты стенок
Fig. 4. Pervomaisky-1 site. Stucco ceramics of the Early Iron age.
1 – fragment of a flat bottom; *2-4* – wall fragments

степи: на широких степных сыртах, на возвышенных равнинах и в широких речных долинах. Характеризуются преобладанием южных ориентировок, центральными дромосными и сопровождающими подбойно-катакомбными захоронениями, расположенными ближе к краю курганных насыпей, надмогильными деревянными шатровыми сооружениями. Эти признаки маркируют раннепрохоровский («филипповский») этап сарматской культуры и датируются в основном в пределах IV в. до н.э. [Сиротин, 2016; Савельев, 2019].

Именно в пределах территории распространения второй группы курганов (земляных) и расположена стоянка Первомайский-1. Ближайшими к месту расположения стоянки являются одиночный курган Красная Башкирия-1, курганные могильники Красная Башкирия-2, Давлетово-1 и Янгельский-1, находящиеся примерно на том же гипсометрическом уровне (рис. 1, *1, 2, 8, 15*). Одиночный курган Красная Башкирия-1 и курганный могильник Красная Башкирия-2 расположены в 11 км и 8,5 км к северу от стоянки на возвышенностях того же сырта. В 8 км западнее от них и в 15 км северо-западнее от стоянки Первомайский-1, на возвышенности того же сырта, в 3 км к востоку от озера Чебаркуль, через который протекает р. Янгелька, находится курганный могильник Давлетово-1. В 8,5 км юго-западнее стоянки, на противоположном, правом берегу р. Янгелька, в 5,5 км от ее берега, на возвышенности соседнего сырта находится курганный могильник Янгельский-1. Все курганы большие, в диаметре более 25 м и не менее 1-2 м высотой.

Водораздельный сырт, на котором расположены стоянка Первомайский-1 и описанные выше курганы, с юга и запада ограничен рекой Янгелька, с востока – рекой Урал, с востока и севера – рекой Малый Кызыл. Максимальные размеры сырта 50×15 км, вся его территория остепнена, разделена на отдельные пологие вершины высотой до 30-40 м и диаметром в несколько километров. На вершинах этих возвышенностей и на их склонах находятся многочисленные родники, являющиеся истоками мелких сезонных водотоков, зачастую уже распаханных. Два таких водотока расположены в непосредственной близости от стоянки Первомайский-1, в 1,5 км к западу и в 1 км к югу. У западного подножья сырта расположено 3 крупных (Чебаркуль, Мулдаккуль и Сурданды) и множество мелких озер, как карстового, так и тектонического происхождения, а на самом сырте разбросано несколько относительно небольших карстовых озер. К одному из них и приурочена публикуемая стоянка.

Именно наличие малых водотоков, судя по известным на настоящий момент стоянкам ранних кочевников, было одним из важнейших оснований для их размещения. Так, стоянка Атиково-1 расположена у истока небольшого ручья, притока реки Кана [Савельев, 2015а. С. 63]. Местонахождение Лаимберды-5 приурочено к борту лога пересохшего ручья, а поселение Улек-Хазы-2 расположено в долине, изобилующей ручьями и родниками [Савельев, 2015б. С. 246, 247. Рис. 3]. На территории Южного Приуралья детально зафиксированные стоянки ранних кочевников отсутствуют, однако на основании анализа топографии мест «случайных» находок клинкового оружия и расположения погребальных памятников показана так называемая «сотовая» система расселения сарматского времени [Савельев, 2016; 2018; Николаев, 2019; Савельев, Николаев, 2020]. Важнейшим компонентом в структуре каждой «соты» является наличие малых и мелких водотоков, позволяющих обеспечить водой как население, так и скот, а также достаточно обширных пастбищ. Не меньшее значение имеет и наличие естественных границ у таких «кочевых волостей» – в зависимости от рельефа территории ими могут быть реки, окружающие сырты с малыми водотоками, а также возвышенности, обрамляющие закрытые долины [см. напр.: Савельев, Николаев. 2020. Рис. 2].

Близкая ситуация наблюдается в этнографическое время у башкир, ведших аналогичный кочевой образ жизни [Акбулатов, 1999]. Их летовочные комплексы, например, урочище Доя-бэйлеген [Савельев, 2012. С. 165-166] также включали в себя поселенческие, погребальные и культовые объекты, располагаясь в долине вокруг малого водотока. При этом на ручье воздвигались плотины, позволявшие создать искусственный водопой для скота.

Примечательно, что урочище, возле которого найден один из кинжалов из Толбазинской группы в Южном Приуралье названо *Елей-Джайляу* (баш. – «Хорошая летовка»), а соседнее с ним место названо «Ногайским» [Савельев, Николаев, 2020. С. 151, 157. Рис. 3, *6*]. Это также подтверждает факт выбора кочевниками уже в историческое время аналогичной системы расселения. Не менее важно и то, что соседняя находка кинжала, с западной окраины с. Толбазы, приурочена к самой вершине сырта, на которой находится верховое болото, а немного далее начинаются истоки малых водотоков, текущих во все стороны по склонам сырта [Там же. Рис. 2, *5*], т.е. топографически ситуация очень близка с местом расположения стоянки Первомайский-1.

Таким образом, стоянка Первомайский-1 расположена в условиях, полностью соответствующих кочевническим летовочным комплексам – малые водотоки и озера давали достаточное количество воды, сам сырт представлял собой обширное пространство для кочевания, реки, окружающие сырт, являлись естественными границами кочевой волости. Известные вокруг курганы и курганные могильники только подтверждают факт активного освоения ранними кочевниками как рассматриваемого сырта, так и всей предгорной степи Южного Зауралья.

***Этап 3.* Новое время**

Среди находок 90% относится к Новому времени. Это 37 фрагментов гончарных сосудов, 14 фрагментов сосудов из фарфора и фаянса, 14 изделий из железа. Также на всей поверхности площадки обнаружены единичные фрагменты изделий из

стекла, обожжённой глины и куски железной руды разного размера. Важность этой коллекции – в разнообразии находок и отсутствии вещей заведомо «фабричного» производства (исключая фарфоровую и фаянсовую посуду)[1].

Фрагменты гончарной керамики (37 экз.) обнаружены на всей поверхности площадки, концентрируясь небольшими (3-5 м в диаметре) скоплениями по несколько находок. По технологии изготовления выделяются 4 группы (грубая гончарная, 2 группы сероглиняной и красноглиняная).

Группа 1. Грубая гончарная посуда – 7 экз. (18,9% от гончарной керамики). Орнамент отсутствует (рис. 5, *1-4*). Тесто плотное, основная примесь – песок (как единственная примесь – 2 случая), в четырех случаях – с дробленым мягким белым камнем, по одному случаю – с дополнительной примесью дресвы, небольшого количества талька и обугленной органики. В двух случаях песок является единственной примесью. Выделяются верхняя часть горшковидного сосуда (рис. 5, *1*) и два фрагмента плоских днищ (рис. 5, *2, 3*).

Группа 2. Сероглиняная гончарная керамика – 18 экз. (48,6%)

Подгруппа 1 – 14 экз. (37,8%), все без орнамента (рис. 5, *5-8*). Условно выделяется 6 сосудов. Тесто очень плотное, основная примесь – песок (как единственная примесь – 1 случай). Дополнительные примеси – мелкие галечки, мелкая обугленная органика (рис. 5, *5; 8*), мелкая органика (рис. 5, *6*), в том числе с дробленым мягким белым камнем (рис. 5, *7*).

В четырех случаях частично реконструируется форма сосудов. Три из них – вытянутые кринки с высокими шейками (рис. 5, *6-8*). Четвертый фрагмент является нижней частью плоскодонного сосуда; по соотношению диаметра дна и отгиба нижней части он также может быть отнесен к кринкам (рис. 5, *5*).

Подгруппа 2 – 4 экз. (10,8%). Все – неорнаментированные стенки, судя по общей массивности и слабому изгибу, относятся к крупным горшкам (рис. 5, *9-12*). Тесто более грубое, с примесью большого количества песка, дополнительные примеси – мелкая галька и дробленый мягкий белый камень.

Подгруппы различаются качеством обработки поверхностей, выделкой формовочной массы

Рис. 5. Стоянка Первомайский-1. Новое время. Гончарная посуда. *1-4* – группа 1 («грубая»); *5-12* – группа 2 (сероглиняная), в т.ч.: *5-8* – подгруппа 1; *9-12* – подгруппа 2

Fig. 5. Pervomaisky-1 site. Modern Age . Pottery. *1-4* – group 1 (“rough”); *5-12* – group 2 (gray clay), including: *5-8* – subgroup 1; *9-12* – subgroup 2

[1] Комплекс находок Нового времени детально анализируется в статье: Савельев Н.С., Савельева А.Г., Николаев С.Ю. Комплекс находок Нового времени со стоянки Первомайский-1 (Южное Зауралье): к вопросу о типологии, хронологии и этнокультурной принадлежности памятника // Oriental Studies. 2020 (в печати). Здесь приводится только сводное описание коллекции.

и толщиной стенок, при этом формовочные массы близки по примесям. Вероятно, эти различия являются следствием разного функционального назначения сосудов: подгруппа 1 – столовые, подгруппа 2 – кухонные.

Группа 3. Красноглиняная гончарная керамика – 12 экз. (32,4%)

Выделяется 11 сосудов (рис. 6), из них 6 глазурованы зеленой поливой, коричневой – 2, прозрачной – 2, на одном полива отсутствует (рис. 6, *9*). У двух фрагментов слой глазури с обеих сторон толстый, цвет темно-зеленый, насыщенный, поверхность бугристая (рис. 6, *2, 8*), у двух других полива на внешней поверхности дымчато-зеленая, на внутренней поверхности – прозрачная (рис. 6, *7, 10*). Вся керамика группы 3 изготовлена при окислительном режиме обжига, в одном случае – при неполном окислительном обжиге (рис. 6, *11*).

Форма частично восстанавливается у двух сосудов, первый – глубокое блюдо или большая миска, второй – верхняя часть тулова небольшого горшочка, обе поверхности которого покрыты толстым слоем зеленой глазури (рис. 6, *1, 2*). Два фрагмента относятся к плоским днищам (рис. 6, *9, 11*), одна стенка имеет рельефный орнамент (рис. 6, *8*). Примеси к глиняному тесту: песок (3), песок и мелкая галька (2), песок и шамот (4), в одном случае – с дробленым мягким белым камнем), песок и мелкая органика (1), песок и обугленная органика (1).

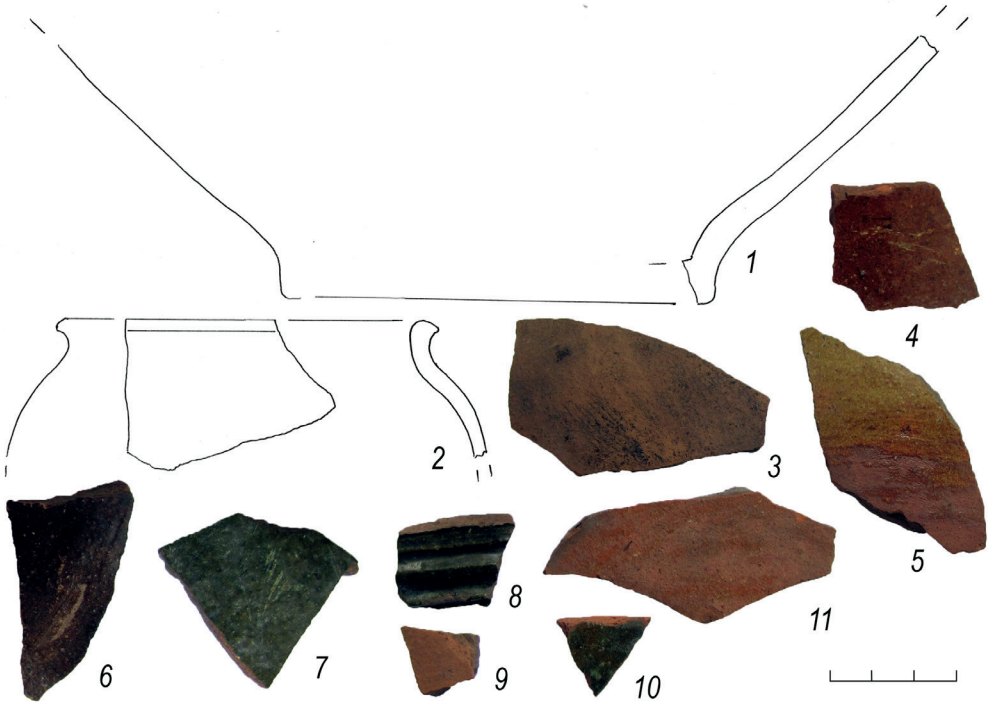

Рис. 6. Стоянка Первомайский-1. Новое время. Гончарная посуда. Группа 3 (красноглиняная)
Fig. 6. Pervomaisky-1 site. Modern Age . Pottery. Group 3 (red clay)

Фрагменты сосудов из фарфора и фаянса – 14 экз. от 13 сосудов

Распространены по всей поверхности площадки стоянки, также концентрируясь небольшими скоплениями. На части фрагментов имеется надглазурная и подглазурная роспись, один фрагмент крышки имеет рельефный орнамент (рис. 7, *9*). Все найденные фрагменты белого цвета. Клейма отсутствуют. Сосудов из фаянса – 5, из фарфора – 8.

Изделия из фаянса: носик и донце заварочного чайника (рис. 7, *1*), нижние части чашки (рис. 7, *3*), большой кружки (рис. 7, *4*) и блюдца (рис. 7, *5*). На всех присутствует кольцевидный, в основном конического сечения, поддон.

*Изделия из фарфора: в*ерхняя часть пиалы или небольшого глубокого блюдца (рис. 7, *6*), нижняя часть блюдца (рис. 7, *7*), фрагмент крышки небольшого сосуда (рис. 7, *9*), верхняя часть сосуда типа чайной чашки (рис. 7, *8*). Остальные фрагменты из фарфора также могут быть отнесены к чайным чашкам (рис. 7, *10-13*).

Все найденные фрагменты из фаянса и фарфора являются частями чайной посуды из совершенно разных сервизов и комплектов. Присутствуют как грубые кружки (рис. 7, *4*), так и чашечки из очень тонкого фарфора (рис. 7, *8*). Последняя, возможно, является китайским импортом [Матвеев и др., 2011. С. 119].

Анализ гончарной керамики стоянки Первомайский-1, показывает, что первые две группы (грубая и сероглиняная) тесно связаны между собой – для обеих в качестве дополнительных примесей характерны мелкая галька и дробленый мягкий белый камень. Их достаточно сложные формовочные массы, в том числе и наличие талька (слюды), находят аналогии в слое Челябинска начала XIX века [Самигулов, 2003. С. 91-92].

По челябинской серии сосудов установлено, что в течение XIX века какие-либо дополнительные примеси из формовочной массы исчезают и используется ожелезненная глина с примесью песка и мелких галечек, возможно, естественного

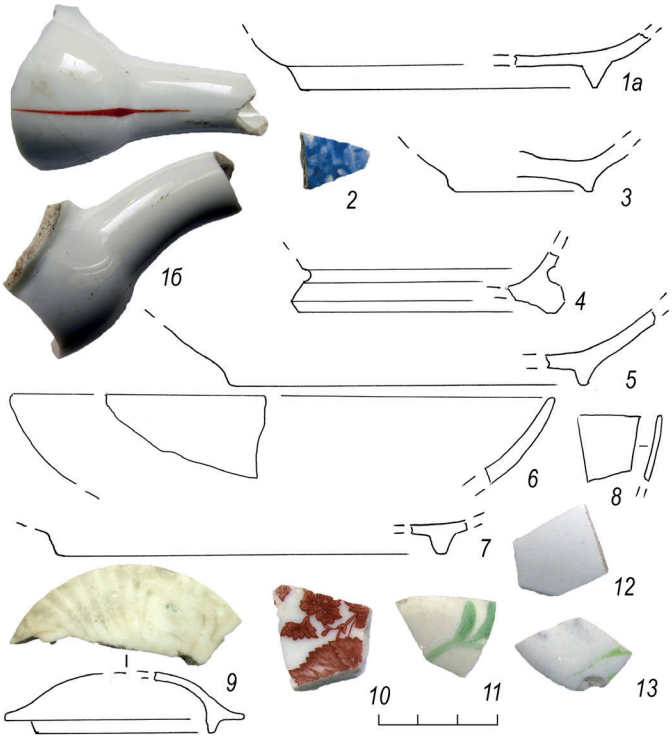

Рис. 7. Стоянка Первомайский-1. Новое время. Фрагменты сосудов из фарфора (*6-13*) и фаянса (*1-5*)

Fig. 7. Pervomaisky-1 site. Modern Age. Fragments of vessels made of porcelain (*6-13*) and faience (*1-5*)

происхождения или вообще без примесей [Самигулов, 2003. С. 93]. Вторая группа посуды (сероглиняная) также имеет в формовочной массе значительное количество дополнительных примесей, что не позволяет ее резко противопоставлять группе 1 и датировать более поздним временем. Вероятно, основное различие этих групп – в их разном функциональном назначении (группа 1 – кухонная, группа 2 – столовая, при возможных различиях внутри группы).

В группе 2.1 выделяются 3 высоких вытянутых кринки. Их объединяет тонкостенность, высокое узкое горло с плавным расширением в сторону тулова и более выраженным отгибом к устью, оформлением венчика дуговидными в сечении валиками (рис. 5, *6-8*). Обращение к опубликованным материалам Уральского региона этого времени показывает, что кринка как тип столовой посуды в ряде коллекций либо не представлена вообще, либо присутствует единично и, в этом случае, относится к широкогорлым приземистым формам [Самигулов, 2003. С. 91-92. Рис. 2, *5, 8-10*; Обыденнова, Овсянников, 2015; Обыденнова и др., 2016; Камалеев, 2018; 2019; Камалеев и др., 2018]. Возможно, что дальнейшее введение в научный оборот керамических материалов XVIII – начала XX вв. с территории Урала и Поволжья позволит получить более детализированную картину. По имеющимся же данным, коллекция со стоянки Первомайский-1 выделяется значительным количеством сероглиняных кринок, что не может быть случайностью.

Красноглиняная гончарная керамика сильно фрагментирована. Примеси к формовочной массе достаточно разнообразны. Можно говорить о том, что за исключением шамота все остальные дополнительные примеси распространены и в формовочной массе сосудов восстановительного обжига (группы 1 и 2). Вероятно, это является свидетельством местного производства как минимум части красноглиняной посуды в рамках единых гончарных традиций.

Основания для прямых датировок найденных фрагментов посуды из фарфора и фаянса отсутствуют. При этом они занимают очень важное место в структуре всех находок посуды Нового времени с публикуемой стоянки. Вся она четко делится на 3 функциональных группы: кухонная (группы 1 и 2.2 – 7 сосудов), столовая (группы 2.1 и 3 – 5 сосудов) и чайная (фарфор и фаянс – 13 сосудов). Учитывая близость грубой, сероглиняной и красноглиняной керамики по примесям к формовочной массе, отнесение их к кухонной и столовой группам, группа чайной посуды также должна быть синхронизирована с ними и включена в единый комплекс. Дата этого комплекса может быть определена в пределах середины – второй половины XIX века, что подтверждается и временем широкого распространения на Урале и в Западной Сибири фарфоровой и фаянсовой посуды [Матвеев и др., 2011. С. 122-123].

Изделия из железа – фрагменты сосудов, ножей, гвоздей, подковы, зубья борон и фрагмент неопределимого предмета.

Сосуды – 2 экз., представлены средней частью чугунного котелка и фрагментом клепаного жестяного ведра. Подобные клепаные ведра из листового металла известны на Урале как минимум с 1870-х гг. [Мельникова, 2008. С. 28. Фото 2].

Очень показательна находка фрагмента чугунного котелка – единственной находки чугунного изделия на всей площади вскрытого пахотой культурного слоя. Типологически самая близкая находка происходит из казачьей Ельдяцкой крепости в верхнем течении р. Уфа, где на поверхности найдены фрагменты двух небольших чугунных котелков с диаметром по венчику 19 см [Камалеев, 2018. С. 163. Рис. 2, *1*]. Они сближаются своим небольшим диаметром, биконическим туловом и наличием валика на месте стыка двух частей литейной формы, проходящим по месту максимального расширения тулова. Этим они принципиально отличаются от чугунных котлов с башкирских памятников XVIII-XIX вв., для которых характерны большой диаметр при незначительной глубине (селище Атиково-3: диаметр 50 см, глубина 19 см), дуговидный профиль, Г-образный или коленчатоотогнутый венчик и горизонтальные сегментовидные ручки [Русланов, 2019. С. 120]. По этим признакам котлы последнего типа являются прямым продолжением традиций золотоордынского времени.

Зубья от борон (3 экз.) Один из них целый (рис. 8, *3*), два представлены фрагментами (рис. 8, *5, 2*). Судя по конструкции верхней части зубьев и сбитости на них, рама бороны была деревянной, в которую через специальные отверстия вбивались зубья.

Рис. 8. Стоянка Первомайский-1. Новое время. Изделия из железа. *1* – чугунный котелок; *2, 3, 5* – зубья борон; *4* – хвостовик раскладного ножа; *6* – кованый гвоздь; *7* – черешок от ножа; *8* – средняя часть раскладного ножа; *9* – фрагмент подковы; *10* – верхняя часть клепаного ведра

Fig. 8. Pervomaisky-1 site. Modern Age. Iron products. *1* – cast-iron pot; *2, 3, 5* – harrow teeth; *4* – shank of a folding knife; *6* – forged nail; *7* – knife stalk; *8* – the middle part of a folding knife; *9* – a fragment of a horseshoe; *10* – the upper part of a riveted bucket

Рис. 9. Расположение стоянки Первомайский-1 на карте 1905 г. Верхнеуральский уезд Оренбургской губернии. Пунктир с красной линией – граница Оренбургского казачьего войска и башкирских земель

Fig. 9. Location of the Pervomaisky-1 site on the map of 1905. Verkhneuralsky uyezd of Orenburg province. Dotted line with a red line – the border of the Orenburg Cossack army and Bashkir lands

Ножи (4 экз.), два из них найдены в шурфе (рис. 8, *4, 8*). Первый представляет собой центральную часть железного складного ножа (бритвы), состоящую из приобуховой части клинка размером и фрагмента верхней части рукояти (рис. 8, *8*). От второго ножа сохранилась хвостовая часть, судя по которой он также был раскладным, но относился к иному типу (рис. 8, *4*). Нахождение на одном очень небольшом памятнике двух складных ножей свидетельствует о значительной их распространенности в XIX веке у населения Южного Урала. Также, по имеющимся данным, такие раскладные ножи-бритвы были широко распространены у башкир вплоть до первой половины XX века [Русланов, 2019]. Третий нож представлен квадратным в сечении черешком, закрученным винтообразно (рис. 8, *7*), от четвертого ножа сохранился также только черешок.

Фрагмент подковы имеет форму половины трехчетвертного овала, с двумя шипами (одним широким прямым передним и одним из двух прямых задних), двумя сохранившимися подквадратными отверстиями для гвоздей (ухналей) и гвоздевой дорожкой между ними (рис. 8, *9*). Форма, длина и ширина подковы, ширина зацепной части, количество шипов и наличие гвоздевой дорожки (а не выемок под каждый гвоздь) говорят о том, что она соответствует типу 2, распространенному в России в XVIII-XIX вв. [Кирпичников, 1973. С. 83, 84; Двуреченский, 2004. С. 239].

Гвозди (3 экз.). Все кованые, один целый, его длина 6,4 см, сечение стержня квадратное, шляпка круглая коническая (рис. 8, *6*). Два других гвоздя представлены нижними заостренными частями стержней.

Также по всей площадке стоянки разрозненно встречались разные по размеру фрагменты кирпичей из глины коричневого цвета, куски колотой железной руды черного и темно-серого цвета и 3 фрагмента из достаточно сильно иризованного стекла. Один из них – горлышко от сосуда типа склянки, два других – небольшие и тонкие (не более 2-3 мм) фрагменты плоского стекла. Помимо этого, на поверхности стоянки найдено 12 фрагментов костей животных, принадлежащих крупному (4) и мелкому (7) рогатому скоту, а также птице (1)[2].

Специфика находок Нового времени позволяет данный археологический объект отнести к типу кратковременных, но многократно использовавшихся, стоянок без осуществления полного цикла хозяйственной деятельности. Он может быть интерпретирован как долговременно (одно-два поко-

[2] Определение по эталонам сотрудника отдела археологических исследований ИИЯЛ УФИЦ РАН А.А. Романова.

ления) использовавшийся полевой стан «оседлого земледельческого» (по формальным признакам) населения середины – второй половины XIX в. Привлечение картографических и исторических материалов позволяет достаточно уверенно интерпретировать поздний этап существования стоянки Первомайский-1 в качестве полевого стана казачьей станицы Магнитная [Савельев и др., 2020]. Наличие на памятнике исключительно земледельческого инвентаря, без каких-либо следов военизации, свидетельствует о том, что он возник после создания Новолинейного района (1830-е гг.) и передвижения границы Российской империи с Киргиз-Кайсацкой степью больше чем на 100 км на восток, когда старый военизированный фронтир начал превращаться в глубокий тыл, а военные крепости – в богатые станицы [Кобзов, 1992. С. 25; Галигузов, Баканов, 1994. С. 67; Козлов, 2016. С. 34-38]. Сам же полевой стан находился в центре пашен, в узкой полосе между основной транспортной артерией края – почтовым трактом Оренбург – Верхнеуральск и границей Оренбургского казачьего войска с башкирскими землями (рис. 9).

Заключение

Рассмотрение находок трех хронологических этапов освоения берегового мыса небольшого озера, расположенного на вершине степного сырта, показывает в целом схожее использование площадки во все исторические эпохи. Это исключительно кратковременные стоянки, различающиеся только вследствие интенсивности использования и хозяйственного типа того или иного населения (эпоха камня – охотники?, эпоха раннего железа – кочевники, Новое время – оседлые земледельцы). Вероятно, уже сейчас можно говорить, что количество подобных объектов, во всяком случае, в степной зоне Южного Урала, должно быть очень большим. Отношение же к степным сыртам как к местам возможного расположения только курганов и курганных могильников, тем более в местах, где есть небольшие озера, родники или сезонные водотоки, постепенно должно быть пересмотрено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акбулатов И.М. Экономика ранних кочевников Южного Урала. Уфа: НМРБ, 1999. 102 с.

Галигузов И.Ф., Баканов В.П. Станица Магнитная. От казачьей станицы до города металлургов. Магнитогорск: ЧелГУ, 1994. 398 с.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. Уральск: Западно-Казахстанский центр истории и археологии, 2004. 136 с.

Двуреченский О.В. Средства и приемы ковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII-XIX веках) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 1 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004. С. 238-244.

Исмагил Р., Сунгатов Ф.А. Тулубай. Савромато-сарматский склеп в Зауралье // УАВ. Вып. 9. 2009. С. 118-126.

Камалеев Э.В. Археологический комплекс «Ельдякская крепость» первой половины XVIII – нач. XX вв. // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 1. С. 160-168.

Камалеев Э.В. Археологические исследования на территории Табынской крепости XVIII-XX вв. в Центральной Башкирии // Теория и практика археологических исследований. № 1 (25). 2019. С. 147-156. DOI: 10.14258/tpai(2019)1(25).-12

Камалеев Э.В., Колонских А.Г., Антонов И.В. Керамика Нового времени городища Уфа-III (по материалам раскопок М.Х. Садыковой 1969 г.) // Манускрипт. 2018. № 12 (98). Ч. 1. С. 37-41.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX-XIII вв. / САИ. Вып. Е1-36. М. – Л.: Наука, 1973. 140 с.

Кобзов В.С. Новая линия // Вестник ЧелГУ. 1992. № 1 (3). С. 12-26.

Козлов Ю.Я. Поселок Наваринский // Хронист / Сост. Л.В. Каменская. Челябинск: Цицеро, 2016. С. 33-47.

Котов В.Г. Научный отчет о разведочных археологических исследованиях в Баймакском и Бурзянском районах РБ в 2004 г. Уфа, 2005 // Архив ИА РАН.

КПАБ, 1982: Каталог памятников археологии Башкирии, открытых в 1971-1980 гг. / Отв. за выпуск Р.Г. Мухтаров. Уфа: ГЖТ, 1982. 80 с.

Куприянов В.А. Палеолитическая стоянка Пещерный Лог у г. Магнитогорска // УАВ. Вып. 16. 2016. С. 19-27. DOI: https://doi.org/10.31833/uav.2016.16.002

Матвеев А.В., Аношко О.М., Сирюшова Н.Ф. Старинный фарфор и фаянс из культурного слоя Тобольска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2(15). С. 116-124.

Мельникова О.Н. Снаряжение рудокопа и старателя в коллекции отдела металла ГИМ // Музеи. 2008. № 2. Спецвыпуск. Посвящен Государственному историческому музею. С. 23-30.

Мосин В.С., Бытковский О.Ф., Заседателева С.Н., Куприянов В.А. Стоянки эпохи энеолита // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: ЦИКР Рифей, 2006. С. 62-72.

Мосин В.С., Куприянов В.А. Стоянки эпохи неолита // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск: ЦИКР Рифей, 2006. С. 41-62.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д. 1-10. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 32 с.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.

Николаев С.Ю. Комплекс сарматского клинкового оружия из окрестностей сел Куезбашево и Бишкаин в Южном Приуралье // УАВ. Вып. 19. 2019. С. 69-77. DOI: https://doi.org/10.31833.uav.2019.19.006

Обыденнова Г.Т., Овсянников В.В. «Табынский острог» – исторический памятник XVII-XVIII вв. (к истории изучения) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. № 3. 2015. С. 312-318.

Обыденнова Г.Т., Овсянников В.В., Бубнель Е.В., Проценко А.С., Бабин И.М. История археологического изучения крепостных сооружений Башкирского Приуралья // Поволжская археология. 2016. № 4(18). С. 278-295.

Плешанов М.Л., Иванов А.А. Прохоровские погребения в могильнике Айгыр I // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск: ЦИКР Рифей, 2016. С. 357-361.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.

Русланов Е.В. Научный отчет о разведочных археологических исследованиях в Бурзянском и Уфимском районах Республики Башкортостан в 2018 году по Открытому листу № 478 от 22.05.2018 г. / Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН. Уфа, 2019. В 4 томах. Т. 1. 248 с. // Архив ИА РАН.

Савельев Н.С. Курган эпохи ранних кочевников Кушалыкуак-1 в восточных предгорьях хребта Ирендык // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 92-104.

Савельев Н.С. Малые культовые объекты Южного Урала: от археологии к этнографической современности // Документы и материалы по истории башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI в.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 128-166, 282-293, 311-319.

Савельев Н.С. Поселенческие памятники кочевников скифо-сарматского времени в южной части горно-лесной зоны Южного Урала // УАВ. Вып. 15. 2015а. С. 62-84.

Савельев Н.С. Поселения раннесакского времени Южного Зауралья // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015б. С. 246-254.

Савельев Н.С. Мечи и кинжалы в культовой практике кочевников Южного Приуралья скифо-сарматского времени (пространственный анализ «случайных» находок) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 241-253.

Савельев Н.С. Находки мечей и кинжалов скифо-сарматского времени из юго-западных предгорий Южного Урала (к вопросу об освоении территории и особенностях расселения кочевников) // Oriental Studies. 2018а. Vol. 38. Is. 4. С. 24-31. DOI: https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-24-31

Савельев Н.С. К истории создания «Археологической карты Башкирии» // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Междунар. науч. симп., посвящ. памяти видного ученого-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Н.А. Мажитова. г. Уфа, 6-7 декабря 2018 г. Уфа: Мир печати, 2018б. С. 64-69.

Савельев Н.С. Южный Урал в I тыс. до н.э. – особая контактная зона на крайнем востоке Европы // УАВ. Вып. 19. 2019. С. 39-50. DOI: https://doi.org/10.31833.uav.2019.19.004

Савельев Н.С., Николаев С.Ю. Комплекс сарматских кинжалов из окрестностей с. Толбазы в Южном Приуралье // Нижневолжский археологический вестник. 2020. Т. 19. № 1. С. 149-166. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.8

Савельев Н.С., Савельева А.Г., Николаев С.Ю. Комплекс находок Нового времени со стоянки Первомайский-1 (Южное Зауралье): к вопросу о типологии, хронологии и этнокультурной принадлежности памятника // Oriental Studies. 2020 (в печати)

Самигулов Г.Х. Глиняная посуда XVIII – начала XIX веков из слоя Челябинска // Известия Челябинского научного центра РАН. 2003. Вып. 3 (20). С. 90-95.

Сиротин С.В. Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 253-264.

Хабдулина М.К., Малютина Т.С. Погребальный комплекс V-IV вв. до н.э. из Челябинской области // КСИА. Вып. 170. 1982. С. 73-80.

REFERENCES

Akbulatov I.M. Ekonomika rannih kochevnikov YUzhnogo Urala [Economics of the early nomads of the Southern Urals] Ufa: NMRB, 1999. 102 s.

Dvurechenskiy O.V. Sredstva i priemy kovki loshadej v Moskve i Moskovskoj zemle (v XIII-XIX vekah) [Means and techniques for horse-shoeing horses in Moscow and the Moscow land (in the XIII–XIX centuries)] // Arkheologiya Podmoskovia: Materialy nauchnogo seminara. Vyp 1. A.V. Engovatova (Ed.), Moscow: IA RAS, 2004. S. 238–244.

Galiguzov I.F., Bakanov V.P. Stanica Magnitnaya. Ot kazach'ej stanicy do goroda metallurgov [Stanitsa

Magnitnaya. From the Cossack village to the city of metallurgists] Magnitogorsk: Chelyabinsk state University, 1994. 398 s.

Gucalov S.Yu. Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya VII-I vv. do n.e. [Ancient nomads of the Southern Urals from VII-I centuries BC]. Ural'sk: Zapadno-Kazahstanskij centr istorii i arheologii, 2004. 136 s.

Ismagil R., Sungatov F.A. Tulubaj. Savromato-sarmatskij sklep v Zaural'e [Tulubai. Savromato-Sarmatian crypt in the Trans-Urals] // UAV. Vyp. 9. 2009. S. 118-126.

Kamaleev E.V. Arheologicheskij kompleks «El'dyakskaya krepost'» pervoj poloviny XVIII – nach. XX vv [The "Eldiatskaya fortress" Archaeological complex of the first half of the XVIII – early XX centuries] // Magistra Vitae: electronic journal of historical, Sciences and archeology. 2018. No. 1. S 160-168.

Kamaleev E.V. Arheologicheskie issledovaniya na territorii Tabynskoj kreposti XVIII-XX vv. v Central'noj Bashkirii [Archaeological research on the territory of the Tabyn fortress of the XVIII-XX centuries in Central Bashkiria] // Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy. No.1 (25). 2019. S. 147-156. DOI: 10.14258/tae(2019)1(25).-12.

Kamaleev E.V., Kolonsky A.G., Antonov I.V. Keramika Novogo vremeni gorodishcha Ufa-III (po materialam raskopok M.H. Sadykovoj 1969 g.) [New age pottery of the Ufa-III hillfort (on materials of excavations by M. Sadykova 1969)] // Manuscript, 2018. No. 12 (98). Part 1. S. 37-41.

Kirpichnikov A.N. Snaryazhenie vsadnika i verhovogo konya na Rusi v IX-XIII vv. [Equipment of the rider and riding horse in Russia in the IX-XIII centuries] / Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vyp. E1-36. Moscow – Leningrad: Nauka, 1973. 140 s.

Kobzov V.S. Novaya liniya [The New line] // Bulletin of Chelyabinsk state university, 1992. No.1 (3). S. 12-26.

Kotov V.G. Nauchnyj otchet o razvedochnyh arheologicheskih issledovaniyah v Bajmakskom i Burzyanskom rajonah RB v 2004 g. [Scientific report on exploratory archaeological research in the Baimak and Burzyan districts of the Republic of Bashkortostan in 2004] Ufa, 2005 // Archive of IA RAN.

Kozlov Yu.Ya. Poselok Navarinskij [Village Navarinsky] // Khronist. L.V. Kamenskaya (comp.). Chelyabinsk: Cicero, 2016. S. 33-47.

KPAB, 1982: Katalog pamyatnikov arheologii Bashkirii, otkrytyh v 1971-1980 gg [Catalog of monuments of archeology of Bashkiria, discovered in 1971-1980] / Otv. za vypusk R.G. Mukhtarov. Ufa: GZHT, 1982. 80 s.

Kupriyanov V.A., Paleoliticheskaya stoyanka Peshchernyj Log u g. Magnitogorska [The Cave Log Palaeolithic site from Magnitogorsk] // UAV. Vyp. 16. 2016. S. 19-27. DOI: https://doi.org/10.31833/uav.2016.16.002

Matveev A.V., Anoshko O.M., Siryushova N.F. Starinnyj farfor i fayans iz kul'turnogo sloya Tobol'ska [Antique porcelain and pottery from the cultural layer of Tobolsk] // Vestnik arkheologii. antropologii i etnografii. 2011. No.2(15). S. 116-124.

Melnikova O.N. Snaryazhenie rudokopa i staratelya v kollekcii otdela metalla GIM [Equipment of a miner and a prospector in the collection of the metal Department of the GIM] // Muzei. 2008. № 2. Specvypusk. Posvyashchen Gosudarstvennomu istoricheskomu muzeyu. S. 23-30.

Moshkova M.G. Pamyatniki prohorovskoj kul'tury [Archaeological sites of the Prokhorov culture] / Svod arkheologicheskikh istochnikov. Vyp. D. 1-10. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. 32 s.

Moshkova M.G. Proiskhozhdenie rannesarmatskoj (prohorovskoj) kul'tury [The origin of early Sarmatian (Prokhorov) Culture]. M.: Nauka, 1974. 52 s.

Mosin V.S., Butkovskii O.F., Zasedateleva S.N., Kupriyanov V.A. Stoyanki epohi eneolita [Eneolithic settlements] // The Archeology of the Southern Urals. Steppe (problems of cultural Genesis). Chelyabinsk: TSIKR Rifey, 2006. S. 62-72.

Mosin V.S., Kupriyanov V.A. Stoyanki epohi neolita [Neolithic settlements] // Archeology of the Southern Urals. Steppe (problems of cultural Genesis). Chelyabinsk: TSIKR Rifey, 2006. S. 41-62.

Nikolaev S.Yu. Kompleks sarmatskogo klinkovogo oruzhiya iz okrestnostej sel Kuezbashevo i Bishkain v Yuzhnom Priural'e [A complex of Sarmatian bladed weapons from the vicinity of the villages of Kuezbashevo and Bishkain in the Southern Urals] // UAV. Vyp. 19. 2019. S. 69-77. DOI: https://doi.org/10.31833.uav.2019.19.006

Obydennova G.T., Ovsyannikov V.V. «Tabynskij ostrog» – istoricheskij pamyatnik XVII-XVIII vv. (k istorii izucheniya) [The "Tabynsky Ostrog" – historical monument of the XVII-XVIII centuries (to the history of research)] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk, Vyp. 17. No.3. 2015. S. 312-318.

Obydennova G.T., Ovsyannikov V.V., Bubnel E.V., Protsenko A.S., Babin I.M. Istoriya arheologicheskogo izucheniya krepostnyh sooruzhenij Bashkirskogo Priural'ya [History of archaeological study of fortress structures of the Bashkir Urals] // Povolzhskaya arkheologiya, 2016. No.4 (18). S. 278-295.

Pleshanov M.L., Ivanov A.A. Prohorovskie pogrebeniya v mogil'nike Ajgyr I [The Prokhorov culture burials in the Aigyr I burial ground] // Archeology of the Southern Urals. Forest, forest-steppe (problems of cultural genesis). Chelyabinsk: TSIKR Rifey, 2016. S. 357-361.

Pshenichnyuk A.H. Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [The culture of the early South Ural nomadic tribes]. M.: Nauka, 1983. 200 s.

Ruslanov E.V. Nauchnyj otchet o razvedochnyh arheologicheskih issledovaniyah v Burzyanskom i Ufimskom rajonah Respubliki Bashkortostan v 2018 godu po Otkrytomu listu №478 ot 22.05.2018 g. [Scientific report on exploratory archaeological research in the Burzyan and Ufa districts of the Republic of Bashkortostan in 2018, according to Open list No.478 dated 22.05.2018] / Institut istorii, yazyka

i literatury UFIC RAN. Ufa, 2019. V 4 tomah. T. 1. 248 s. // Arhiv IA RAN.

Samigulov G.H. Glinyanaya posuda XVIII – nachala XIX vekov iz sloya Chelyabinska [Clay dishes of the XVIII – early XIX centuries from Chelyabinsk] // Izvestiya Chelyabinskogo nauchnogo tsentra RAN. 2003. Vyp. 3 (20). S. 90-95.

Savelev N.S. Kurgan epohi rannih kochevnikov Kushalykuak-1 v vostochnyh predgor'yah hrebta Irendyk [Kushalykuak-1 – a burial mound of the early nomadic period in the eastern foothills of the Irendyk mountain range] // Yuzhnyj Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: Sb. statej k 70-letiyu A.H. Pshenichnyuka / Otv. red. G.T. Obydennova, N.S. Savelev. Ufa: Gilem, 2006. S. 92-104.

Savelev N.S. Malye kul'tovye ob"ekty Yuzhnogo Urala: ot arheologii k etnograficheskoj sovremennosti [Small religious sites of the Southern Urals: from archeology to ethnographic modernity] // Dokumenty i materialy po istorii bashkirskogo naroda (s drevnejshih vremen do serediny XVI v.). Ufa: IIYaL UNC RAN, 2012. S. 128-166, 282-293, 311-319.

Savelev N.S. Poselencheskie pamyatniki kochevnikov skifo-sarmatskogo vremeni v yuzhnoj chasti gorno-lesnoj zony Yuzhnogo Urala [Nomadic settlement sites in the mountain-forest zone of the Southern Ural referring to Scythian-Sarmatian time] // UAV. 2015a. Vyp. 15. S. 62-84.

Savelev N.S. Poseleniya rannesakskogo vremeni Yuzhnogo Zaural'ya [Settlements of the early Saka period in the southern Trans-Urals] // Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosociokul'turnyh processov stepnoj Evrazii. Sb. nauch. st., posvyashch. pamyati arheologa K.A. Akisheva. Almaty: NICIA «Begazy-Tasmola», 2015b. S. 246-254.

Savelev N.S. Mechi i kinzhaly v kul'tovoj praktike kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya skifo-sarmatskogo vremeni (prostranstvennyj analiz «sluchajnyh» nahodok) [Swords and daggers in the religious rites of the Southern Ural nomadic tribes of the Scythian-Sarmatian time (an example of spatial analysis of some "accidental" findings)] // Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoj arheologii. Materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii». Orenburg: Izd-vo OGPU, 2016. S. 241-253.

Savelev N.S. Nahodki mechej i kinzhalov skifo-sarmatskogo vremeni iz yugo-zapadnyh predgorij Yuzhnogo Urala (k voprosu ob osvoenii territorii i osobennostyah rasseleniya kochevnikov) [Finds of swords and daggers of the Scythian-Sarmatian period from the South-Western foothills of the Southern Urals (on the question of territory development and features of nomad settlement)] // Oriental Studies. 2018a. Vol. 38. Is. 4. S. 24-31. DOI: https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-37-3-24-31

Savelev N.S. K istorii sozdaniya «Arheologicheskoj karty Bashkirii» [On the history of creating the "Archaeological map of Bashkiria"] // Drevnie i srednevekovye obshchestva Evrazii: perekrestok kul'tur. Mezhdunar. nauch. simp., posvyashch. pamyati vidnogo uchenogo-arheologa, professora, akademika Akademii nauk Respubliki Bashkortostan, doktora istoricheskih nauk N.A. Mazhitova. g. Ufa, 6-7 dekabrya 2018 g. Ufa: Mir pechati, 2018b. S. 64-69.

Savelev N.S. Yuzhnyj Ural v I tys. Do n.e. – osobaya kontaktnaya zona na krajnem vostoke Evropy [The Southern Urals in the first millennium BC as a special contact zone in the far East of Europe] // UAV. Vyp. 19. 2019. S. 39-50. DOI: https://doi.org/10.31833.uav.2019.19.004

Savelev N.S., *Nikolaev S.Yu.* Kompleks sarmatskih kinzhalov iz okrestnostej s. Tolbazy v Yuzhnom Priural'e [Complex of Sarmatian daggers from the vicinity of Tolbazy village in the Southern Urals] // Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik. 2020. T. 19. № 1. S. 149-166. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.8

Savelev N.S., Saveleva A.G., Nikolaev S.Yu. Kompleks nahodok Novogo vremeni so stoyanki Pervomajskij-1 (Yuzhnoe Zaural'e): k voprosu o tipologii, hronologii i etnokul'turnoj prinadlezhnosti pamyatnika [A complex of finds from the New Time from the Pervomaisky-1 site (Southern Trans-Urals): on the issue of typology, chronology and ethnocultural affiliation of the site] // Oriental Studies. 2020 (in print)

Sirotin S.V. Ob otnositel'noj hronologii i datirovke mogil'nika Perevolochan I [On the relative chronology and dating of the Perevolochan I burial ground] // Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoj arheologii. Materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii». Orenburg: Izd-vo OGPU, 2016. S. 253-264.

Habdulina M.K., Malyutina T.S. Pogrebal'nyj kompleks V-IV vv. do n.e. iz Chelyabinskoj oblasti [Burial complex of the V-IV centuries BC from the Chelyabinsk region] // KSIA. Vyp. 170. 1982. S. 73-80.